

КНИГИ-ЗВЁЗДЫ

Библиографические редкости в ГИМЕ

"Книга — лучший подарок!"
Советский позунг

ВЫСТАВКА ПРЕДВАРЕНА цитатой Франческо Петракки: "Золото, серебро, жемчуг, пурпурные одежды, мраморные здания, картины и другие предметы могут доставлять только преходящее удовольствие, книги же могут привести нас в истинный восторг: они говорят с нами, как живые, они — наши лучшие советники, наши ближайшие друзья". Правда, в эпоху Петракки литература ценилась на вес золота — рукописная техника, миниатюры, переплёты из сафьяна и бархата, декорирование золотом, камнями.

После изобретения печатного станка в XV столетии книги сделались намного дешевле, однако ещё долгие века чтение оставалось привилегией горстки элиты. Да и не все nobили стремились к чтению — фантастическая библиотека Ивана Грозного или тома, читанные его "коллегий" Елизаветой Тюдор, — скорее, исключение, нежели правило.

В XVIII–XIX веках книжность вошла в аристократическую и буржуазную моду, и господа стали позировать с раскрытыми книгами, словно бы художник отвлек на мгновение от приятно-полезного занятия. Вот — русский юнша Галантного века, одетый в зелёный бархатный кафтан по моде 1770-х годов, волосы пригладены и завиты. В руках — книга. То ли амурные вирши, то ли политэкономия, а быть может, крамольное чтиво, напечатанное в Лондоне, где царила полная свобода печати. Ах, да! Что же это за экспозиция? "Созвездие книжных редкостей", что проходит сейчас в Государственном историческом музее.

Перед нами раритеты, существующие в единственном экземпляре, и знаковые книги, являющие собой вехи социокультурного развития. Книги-звёзды! Чтобы выставка не казалась однообразно-сухой, она изыщно "разбавлена" предметами быта — часами, табакерками, чернильницами. Имеется beer-ple и презанятная штука под названием carnet de bal — балльная записная книжечка, в которую вносились имена партнёров по танцам. Но вернёмся к началам!

Ренессанс — эра книгопечатания в Европе и на Руси. При Иване Грозном был создан печатный двор, и в 1564 году вышел "Апостол", содержащий библейские новозаветные книги: "Деяния святых апостолов", Послания апостолов Иакова, Петра, Иоанна, Павла и Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис). Итак, на первой же экспозиционной витрине можно увидеть эту книгу, сделанную по всем правилам тогдашнего книгопечатного мастерства.

К тому времени в Московии сложились определённый круг интеллектуалов, знавших иноземные языки и выписывавших литературу из Западной Европы. Тому пример — книга Бернхарда фон Брейденбаха "Паломничество в Святую Землю" 1488 года издания, также представленная в экспозиции. Стоит заметить, что печатное дело изначально обслуживало религию, а не являлось собой просветительский или же развлекательный проект.

Настоящий книжный бум в России начался лишь при Петре Великом. Он был знатным книголюбом, да и своих подданных тянул к свету, иной раз на морском канате и попутно утешая кнутом. Таков уж был наш царь-плотник! Особое внимание уделялось научным текстам, равно как и описаниям географических открытий. Среди узнаваемых экзпонатов — "Арифметика" Леонтия Магницкого, наше первое пособие по математике, изданное в 1703 году, на заре петровских реформ. По большей же части книги были заграничными, а некоторые переводились на русский язык. Вот — "Геометрия" Бурхарда фон Пюкенштейна, изданная в Аугсбурге в конце XVII века, но уже в переводе Якова Брюса, одного из сподвижников Петра.

Шли годы, а чтение всё чаще становилось "приятственным занятием", а потому не было недостатка в любовных, а зачастую и в двусмысленно-игривых текстах. Одна из таких вариаций — "Езда в остров любви", сочинение Поля Таллемана, переложённое Василием Тредиаковским. Сия феерия написана в форме писем античного персонажа Тирсиса к своему другу. Герой расписывал, как он оказался на Кифере — острове любви и какие перипетии там его ожидали. Как то: встреча с пригожей Аминтой и возникновение страсти; измена красавицы и попытки утешения сразу с двумя феминами — Ирис и Филис. В финале — отплытие с острова. Девичам и младым юношам "Езда..." строго воспрещалась!

Существовали и диковинные публикации, вроде описаний придворных торжеств. То были громадные, дорогостоящие книжищи, снабжённые большим количеством иллюстраций. Ими не торговали в книжных лавках, но рассылали к дружественным дворам. Опять же, часть тиража оставляли у себя на вечную память — в написание и для пушего восхищения. Один из таких шедевров представлен в экспозиции — фоллиант "Описание торжеств по случаю коронавания Елизаветы Петровны". Череда пышных празднеств удивила европейских гостей, считавших, что круче версальских фейерверков не бывает. Оказалось, что бывает. И где? В новой сверхдержаве!

А рядом — противоположная тема, не праздничная. "Военные наставления короля Пруссии Фридриха II", изданные при жизни короля, одного из выдающихся полководцев своего столетия. Это издание, отпечатанное в Англии на французском языке (а Фридрих Прусский не снисходил до грубого тевтонского наречия), было, что называется, бестселлером, а впоследствии сделало любимым чтением Наполеона Бонапарта и Адольфа Гитлера. Но этим воителям в конечном счёте не помогли советы короля-философа.

Галантный век — века интриг. Популярны табакерки с секретом, пудреницы с двойным дном и разные штуки с потайными замочками. Таким предметом, не-

сомненно, был миниатюрный английский глобус, разделёвшийся на две части по линии меридиана. Географическая игрушка могла быть тайником для переводчи- шифров — Англия всё-таки. Эти шпионят всегда, везде и с неистребимым рвением.

XVIII столетие — эра Просвещения. Все образованные люди стремились купить себе два базовых прибора — телескоп и микроскоп, и если размещать на выставке телескоп представляется трудным, то микроскоп — обзаведен для антуража. Вот прибор конца XVIII — начала XIX века, сделанный в Париже. Ценилось всё огромное и, напротив, крохотное, поэтому в экспозиции неслучайна коллекция миниатюрных книжечек с полагающейся для них лупой. Кроме этого, можно увидеть солнечные и обычные, настольные, часы, деньги, чернильницу и "потешный кубок" в виде дамы в пышном платье — жидкость наливалась в опрокинутую "лупу".

В разделе, посвящённом XIX веку, много книг из школьной программы, и у нас есть возможность узреть их первые издания. "Путешествие из Петербурга в Москву", "Кавказский пленник", "Ревизор". Здесь же письмо Николая Гоголя к графу Сергею Уварову, где писатель благодарит своего покровителя. Одно это послание дозволяет сделать вывод, что не все русские гении противостояли двору и царизму, а критический взгляд того же Гоголя благосклонно принимался Николаем I и его сановниками. Тут же — иное. Герценовский альманах "Поллярная звезда", выпущенный, разумеется, в Лондоне, — типовой пример диссидентской публикации с воззваниями. Отменная бумага и высокое качество печати сигнализируют нам о том, что Герцен сотворивший неплохо жили за счёт иностранных вливаний.

На рубеже XVIII и XIX веков появился целый пласт этнографической литературы, как серьёзной, так и развлекательной. Тут — листы из книги с длинным названием "Волшебный фонарь, или Зрелище Санкт-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников". Ещё один томик из той же познавательной серии именуется "Картина вселенной или краткое описание обитающих на земном шаре народов". Даны картины быта различных рас, которые так или иначе входят в противостояние друг другу, а на обложке мы видим, как беглые люди выходят супротив "иных".

Выходили зоологические и ботанические сборники (один из них, наиболее роскошный, вы увидите на экспозиционном стенде), опысы по химии, физике, астрономии. В XIX столетии чтение постепенно делалось массовым, а книги из спутной ценности превратились в обиходный товар. Возник феномен pulp fiction — книг на очень плохой бумаге и... такого же содержания. Причём "бульварщину" листали не тожмо швеи, клерки, лавочники, но и образованные господа вроде Бальзака и Гюго. Но мы отвлечлись — на выставке в Историческом музее нет pulp'a.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЛУЧШЕЕ, богатое, сложное! Среди картин дворцовых празднеств, о которых мы уже говорили, выделялось "Описание праздника "Волшебство белой розы" в Потсдаме 13 июля 1829 г. в честь дня рождения Императрицы Российской". Николай I слыл нежнейшим и любящим супругом. Женившись на Шарлотте Прусской по любви, он боготворил её всю жизнь, хотя и не был ей верен в определённом смысле.

В 1829 году молодая царская чета гостила у прусской родни. В честь Шарлотты затеялось карнавальное действо а-ля Средние века. Тогда были востребованы рыцарские романы — от фабул Вальтера Скотта до совсем уж примитивных сюжетцев, писанных "с продолжением" для ежедневных газет. На выставке есть небольшой раздел, посвящённый Шарлотте Прусской. Здесь не только странички фоллианта, повествующего о "Волшебстве белой розы", но и украшение с эмальевым портретом царицы, веер и прочие милые вещицы.

Во второй половине XIX века случился ещё один прорыв в книжном деле, о коем мало кто ныне задумывается, — началось привлечение знаменитых художников в оформление печатной продукции, посему явились книги, известные не своими текстами, а сопроводительными рисунками.

На ум тут же приходит "Le livre de la Marquise", "Книга маркизы" — антология фривольных текстов XVIII века. Кто-то может вспомнить из неё хоть один рассказ? А вместе с тем даже профан видел иллюстрации Константина Сомова, без труда отделяя их от схожих видов Обри Бердслея, столь же изощрённого эротомана-затейника. Помимо разворота "Книги маркизы" представлена фарфоровая фигурка, сделанная по совомскому эскизу: версальская прелестьница поправляет маскарадную маску. А рядом совсем иная тема. Детская! Азбука в картинках — это весьма распространённый вариант обучения, но когда креативные буквы выдают сам Александр Бенуа, тут уже речь идёт о произведении искусства.

Выставка "Созвездие книжных редкостей" невелика по масштабу, но потрясаете информативна. Да, показаны книги-звёзды — где-то первые, где-то уникальные, а где-то чудные. Но любая книга, самая простенькая, подобна звезде, сверкающей на небосклоне, а наша задача — дотянуться до звёзд. До книг. Рэй Брэдбери предупреждал: "You don't have to burn books to destroy a culture. Just get people to stop reading them" — "Не нужно сжигать книги, чтобы уничтожить культуру. Достаточно сделать так, чтобы люди перестали их читать". Поэтому ищите звёзды — не убивайте культуру.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: Юноша с книгой. Неизвестный художник. Россия, 1770-е гг.

ПЫЛЬНЫЙ ФАНТОМ

О сериале «Библиотекарь»

"Негативный опыт — он тоже опыт"
М.Ю. Елизаров

НЕ КАЖДЫЙ СТУДЕНТ режиссёрского факультета харьковского культа (а, простите, Ганноверской киношколы) входит парадными дверями на съёмочную площадку топового сериала. В этом смысле Михаил Елизаров — это просто воплощённое доказательство философии успеха, кучки должны носить его на руках и ставить на пьедестал вместо низвергнутой Блинновской. Он даёт надежду безнадёжным и веру отчаявшимся: можно вот так вот, придя из ниоткуда, стать писателем, написать (великий русский?) роман, и тебя будут издавать, потом переиздавать, потом этот роман экранизируют, при этом ты — рок-стар с фигурой работы Микеланджело. Билеты на твои концерты будут раскупать за 5 минут, а женщины драться за место у сцены. Ну правда, почему он читает лекции о Гайдаре, а не о том, как перестать беспокоиться и стать суперзвездой?

Михаил Юрьевич — наша опора в борьбе с интеллигентским непотизмом и междоусобицами! Михаил Юрьевич — герой нашего времени и etc. Ну если без иронии, то всё вышесказанное говорит о том, что личность автора романа "Библиотекарь" в разговоре о его экранизации действительно важна. Никитой Ефремовым можно родиться, а Михаилом Елизаровым нужно всё-таки стать. Причём одному ему известно, какой ценой.

Так что без cameo с писателем, заявленного ещё в репортажах со съёмки, изначально было не обойтись. Конечно, он полноценный герой своего романа, конечно, он полноценный библиотекарь с собственной читальней. Да и оценивать экранизацию в отрыве от первоисточника всегда сложно, тем более в данном случае. Но если Михаила Елизарова можно поздравить с триумфом, то создателей сериала, к сожалению, не вполне.

Для тех, кто совсем не знает о чём речь, вкратце. В центре повествования романа — серия книг всеми забытого советского писателя Дмитрия Громова. С виду это ничем не примечательная, штампованная литература. Названия "Серебряный плёс", "Пролетарская", "Дорогами труда" и т. д., — не обещают ничего сверхъестественного. Но каждая из книг, при непрерывном и внимательном прочтении, оказывает на читателя магический эффект, временно наделяя его определённой способностью. Книга Власти ("Счастье, лети") — способностью управлять другими, книга Ярости ("Дорогами труда") пробуждает нечеловеческую агрессию, книга Терпения может вытерпеть любую боль, книги Памяти и Радости, по сути, помогают обрести забытый смысл существования. А все вместе они способны образовать своего рода штир Родины и вернуть Смысл не только отдельным людям, но и всему многострадальному Отечеству. За книги, естественно, ведётся борьба между целыми кланами — "читальными" и "библиотеками" — скрытая от глаз обычных людей.

Сначала о хорошем. На самом деле, именно упомянутое cameo с писателем в первую очередь показывает отношение создателей сериала к первоисточнику. Да, они перекроили под восемь серий практически всё, что только можно (почему нельзя было сделать, например, четыре серии, это бы спасло нас всех от половинных ненужных линий), но сделали это бережно и, можно сказать, даже с любовью. Просто это вся бережность, на которую они способны. Причём не в силу своей эстетической ущербности, как думают многие, а из-за особенной серьёзного производства. С учётом того, какая там орава людей, какие сроки и куча денег — получилось на редкость неплохо.

В первую очередь, к источнику бережно отнеслись актёры и режиссёр. К главным героям есть вопросы, но каст широнинской читальни — загланденье. Ни одного попадания мимо, ни одного актронского провала, при этом что большинство — не суперзвёзды, хотя и люди с биографией. Евгения Дмитриева в роли Маргариты Тихоновны просто огонь, собственно, это точное попадание в образ (деталь с переобуванием туфель перед выступлением почему-то особенно запомнилась, кажется, что это именно актёрская придумка). Остальные герои были прописаны не столь подробно, чтобы говорить о попадании, но ровно настолько, чтобы актёры могли их каждый по-своему додумать. И тот факт, что все так выложились, явно говорит о том, что актёрам очень нравились материал, с которым они работали. Совет библиотек тоже хорош, причём неожиданно убедительным выглядит Михаил Трухин, хотя изначально казалось, что его комедийный флёр убьёт образ Шулгины, но нет, с каждой серией было всё лучше и лучше. Про Таню пусть пишут мужчины, но действительно очень трогательный типаж. И хотя по возрасту она, как выясняется, вполне себе "женщина августа", но выглядит на весь юны! Даже краповищца Данкевич (чуть ли не главный предмет ожидания) неплохо подобрана, если б не факт, что этот ипосинский образ, кажется, вообще не подразумевал изначально реалистического прочтения, это было всё же за гранью добра и зла.

Види книг и заставка сериала — тоже тема для отдельного обсуждения. Они, видимо, и несут в себе значительный "заряд" первоисточника. Если учесть, что это магические артефакты, к ним отнеслись с пристальным вниманием. Получилось здорово. Хотя и не мешало бы использовать тех же моушн-дизайнеров, чтобы убрать название сети магазинов "Авокадо", берущееся из ниоткуда в 99-м году на одной из проходок героев (первая же серия, если что).

Ну а теперь о грустном. Хотя, на что мы вообще рассчитывали? Ожидая не первый год экранизации романа, казалось, что уж если за неё и возьмётся, то начисто высобируют любое подобие и оригинальной сверхидеи, и вообще любой идеологии, оставив только голую фабулу и хорошие бои. И кажется, что лучше бы так и сделали, а не пытались вести разговоры о смысле жизни на уровне заезженных гуманистических тезисов, перемешивая их с защитой Родины и неусыпаемой Псалтирью. Не, ребят, либо туда, либо сюда.

Хочется верить, что авторы просто прослушали пару лекций про постмодерн того же Михаила Юрьевича, решили, что это их метод, а крутая боекка между читальными киново, проститутко, евреев и кавказцев в конце 90-х нам всем крайне необходима, да и смотреться будет куда как эффективнее. К сожалению, эффективность — да, постмодерн — скорее, нет. А жаль. Читальня киново и другие внезапные приколы (отсылаю всех к 18-й минуте 5-й серии) тут смотрятся даже не столько приметой времени, а, скорее, попыткой сценаристов экранизировать Елизарова, "но не полностью" (без блага в "Завтра"). Маленечко отмазаться от дурной славы, которую ему создала любовная критика. Не хочется никого разочаровывать, но отмазаться вряд ли получится, потому что в глазах тех, от кого обычно отмазываются, мы тут все в одной дырявой лодке. Ох, лучше б это всё был сюр!

Всегда отчётливо видно, когда в уста персонажам вкладывается то, во что сами создатели (а с ними и исполнители) не очень верят. Получается невнятная каша из общих идей и пустых слов, которые пафосно выдаются за смысл существования. И это самая большая проблема экранизации и, главным образом, её финала. В этом-то и была сложность замысла романа: поднять над постмодерном и подсветить незримым светом обесцененные иронией выские слова про Родину, Радость, Память, Любовь, Смысл... И уж если в романе это не до конца удалось, то куда уж пытающимся одновременно усадить на всех стульях. Нельзя дать чему-то сформулированный смысл, если его нет у тебя самого.

Надо было тогда менять финал и оставлять его со знаком вопроса, а не пытаться словами давать ответы на всё. Но что есть, то есть. Продолжу, пожалуй, воспринимать всё увиденное, как тотальную иронию и стёб над снятыми подтяжками — так поинтереснее.

Хотя дух книги и составляло во многом то, что озвранить либо нельзя, либо очень сложно, — "неброский светлый восторг", "гордая фабула", "радость без примеси веселья"... А тут мы вообще говорим о коммерческом проекте. В этом смысле сравнивать, конечно, бесполезно. Книга Елизарова — не коммерческий продукт. "Поддержать книгу невозможно", — да, как и в полной мере экранизировать её. Тем более в форме сериала.

ПОВЕСЕЛИЛА ОДНА из идей всего этого мероприятия. Она не нова для произведений о параллельно существующих мирах, но смешна в контексте пестуемой Елизаровым и его особо преданными фанатами сектантской темы: главный герой хочет сделать магические книги доступными для всех. Доступными. Для всех. Это удивляет больше, чем читальня проститутко. С одной стороны, раздача книг всем подряд противоречит самой концепции романа. С другой — и тут я могу ошибаться, кажется, это сильнее всего в проекте под названием "Библиотекарь" противоречит тому Михаилу Елизарову, какой он есть сейчас.

Дилемма с избранностью и раздачей магических книг всем людям в сериале не получила никакого развития. Кажется, это тоже сценарная недоработка. Полсериала боремся за право дать всем книги и... ничего. Будут ли их раздавать, пока главгерой Алёша Вязинцев читает, — тоже не сообщается. А смысл в чём? А "смысла нет, есть замысел". А замысел? Непонятно — то ли в защите Родины, то ли просто "жить" и "принять себя". Серьёзно?! То есть, один чувак будет всех защищать, а остальные будут просто "жить" и "принимать себя"? Всё поняли? Можно раскопаться. А ещё своё прошлое надо принять. А что же тогда с "Думой о сталинском фарфоре", которая превратилась в неведомую машинописи?

Но вина не некого. Дружненько обрести смысл и правда непросто, чего бы "метамодернизмом" с их культурами отмены ни казалось. Куда уж там сценарным комнатам — бесхозырка. Так что остаётся только иронизировать.

Если честно, самой большой радостью в связи с выходом сериала было перечесть книгу. Как точно было замечено, вещь роман и есть — одно большое наведённое воспоминание. И лучшие вещи у Елизарова — это всегда твои же воспоминания, только "ярче и интенсивнее", а любое пространство выпадает, "как город детства, который однажды напрочь позабыл". Это обеспечивает то-скливое ощущение родства с лирическим героем, что кажется, будто ты его всю жизнь знаешь и любишь. Полезно, правда, неизменно повторять про себя, что это фантом. А то можно в какой-то момент открыть глаза и обнаружить себя среди женщин у сцены, которых только что вдохновенно уличал в излишнем ностицизме. И тебе понравится.

Анна АМЕЛИНА

* СМИ, признанное иностранным агентом

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru

ИМЯ РАСУЛ с арабского языка переводится как "посланный", что полностью соответствует внутренней сущности Расула Гамзатова Гамзатова, чьё 100-летие в этом году 8 сентября мы отмечаем. Это соответствие чувствовалось всегда, на протяжении всей жизни поэта.

*Народа молодого сын,
Идёт он с песнями своими.
Расул, а может быть, Кайсын —
Наступит срок, узнаем имя...*

К данному стихотворению Николая Ушакова, датированному началом 1950-х годов, где под Расулом явно подразумевается аварец Расул Гамзатов, а под Кайсыном — его закадычный друг балкарец Кайсын Кулиев, можно сделать немало замечаний (в частности, прямые этнические предшественники современных аварцев — авары — упоминаются как "обры" в древнерусских летописях, так что "молдость" данного народа весьма относительна), но суть гамзатовского феномена названа точно: посланник своего народа, посланник своей страны, посланник поэзии, посланник мира, посланник любви: к Родине и к людям. Поэтому, говоря об авторе пронзительных "Журавлей", меньше всего хочется впадать в дежурную официозную риторику: все многочисленные чины, звания, награды и прочие регалии юбиляра навсегда упокоены вместе с ним у горы Тарки-тау в черте столицы Дагестана Махачкалы — но его стихи и память о поэте, безусловно, продолжают жить.

Относительно памяти государственной никаких вопросов и сомнений нет: гамзатовские стихотворение "О Родине" было прочтано дагестанскими школьниками Владимиру Путину в нынешний День Знаний, президентский указ о праздновании 100-летия Расула Гамзатова на федеральном уровне в связи со значительным вкладом юбиляра в отечественную культуру был подписан ещё 1

ВЕСТНИК ЛЮБВИ

К 100-летию Расула Гамзатова

июля 2021 года. В утверждённом прошлом летом правительственным плане праздничных мероприятий таковых значилось более 40. Всё это понятно: творчество поэта до 1991 года воспринималось как одно из вершинных доказательств расцвета национальных культур при Советской власти, а после 1991-го и особенно после 1999 года — как одно из вершинных доказательств расцвета национальных культур во взаимодействии с Россией и русской культурой. В этом отношении Расул Гамзатов, девятый по счёту народный поэт Дагестана, сын и продолжатель дела Гамзата Цадаеса, третьего по счёту народного поэта Дагестана, — действительно не вечный актив нашей цивилизации: не только на Кавказе, но и во всём мире.

Относительно памяти народной — всё уже гораздо многообразнее и сложнее. У родных поэту по языку, крови и земле аварцев она, конечно же, носила, носит и будет носить особый характер, который в полной мере понимать и способно раскрыть только представители этого народа. Все гамзатовские стихи написаны на аварском языке, чья поэтическая система сильно отличается от традиционной русской силлабо-тоники, а остальные народы нашей страны и зарубежные читатели знают их прежде всего через посредство русских переводов. В данной связи хорошо известно ироничное признание поэта: "Я меня бы воспитательные переводчики. Они так переводили мои плохие стихи, что те тут же становились хорошими". В более широком плане через эту "русскую призму" неизменно воспринимается в целом и его образ вне пределов "малой Родины": "баповень судьбы", в

равной мере талантливый и признанный, "мудрый горец", всегда поднимающий символический роги вина с кавказским тостом за общим праздничным столом, умеющий при любых обстоятельствах, не теряя собственного достоинства, оставаться в рамках "золотой середины", при этом жизненно и остро, чьи афоризмы быстро "уходили в народ" (в этой связи достаточно вспомнить его слова времён "перестройки": "Кто стреляет в прошлое из пистолета, в того будущее будет стрелять из пушки"), — Расул Гамзатов давно стал одной из эмблематичных фигур целой эпохи в истории нашей страны, от Сталина до Путина.

ЕСТЬ ЕЩЁ и "третья память" о нём, профессиональная память "поэтического цеха", где в случае Расула Гамзатова уважение и даже восхищение порой оказываются приправлены изрядной долей скепсиса и даже зависти: мол, на вершину прижизненной и посмертной славы этого "певца гор" подняли на "вертолёте" переводов и властного благоволения, в том числе благодаря происхождению ("малый народ", знаменитый отец и т. д.), а карабкайся он вверх исключительно своими силами, его судьба и судьба его творчества могли бы носить совершенно иной характер. А "переводная картинка" его стихов якобы даже превосходит оригинал, на основе которого она была создана...

Но с Расулом Гамзатовым ситуация принципиально другая. Подобно тому, как его отец, Гамзат

Цадаеса, знаток арабской и народной аварской поэзии, самостоятельно осваивал богатство русской литературы (и перевёл ряд её произведений, в том числе пушкинскую поэму "Руслан и Людмила"), и выпускник Литературного института 1950 года Расул Гамзатов формировался как поэт в "словом поле" русской советской и через неё — высокой мировой культуры, всю жизнь творчески взаимодействовал с ней. Добиваясь того, чтобы написанные им на аварском языке стихи имели "цеканный слог и глубокий смысл, который цепляет каждой строкой читателя", включая переводчиков на русский.

Хрестоматийная история создания песни "Журавли", в которой присутствуют поездка в Японию с посещением памятника жертвам атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, смерть матери, память о не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны старших братьях Магомед и Ахильяни, 70 односельчаных и миллионы наших соотечественников, отдавших свою жизнь ради великой Победы 1945 года, работа переводчица Наума Гребнева, одноклассника Гамзатова по Литинституту, и певца Марка Бернеса, замечания которого были учтены в песенном варианте текста, — лучше всего раскрывают уникальный феномен Расула Гамзатова.

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...
Летит, летит по небу клин усталый —
Летит в тумане на исходе дня,
И в том стрюе есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!
Настанет день, и с журавлиной стаей
Я полпью в такой же сизой меле,
Из-под небес по-птичьей окликав
Всех вас, кого оставил на земле.*

Георгий СУДОВЦЕВ

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru